

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

3

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Так, летом 1980 г. посланцы колхозов и совхозов Ташкентской, Сырдарьинской и Джизакской областей доставили свою продукцию на овощные ярмарки Алайского, Октябрьского, Юнусабадского и Фархадского рынков. Продажу овощей и фруктов вели 1200 продовольственных магазинов и ларьков¹⁵. Изюм в день увеличивался поток арбузов, дынь, винограда, фруктов и овощей на железнодорожных погрузочных площадках. За сезон 1980 г. в города республики было отправлено продуктов бахчеводства и садоводства в полтора раза больше, чем в 1979 г.¹⁶

Братское сотрудничество рабочего класса и колхозного крестьянства играет, таким образом, огромную роль в решении актуальных задач коммунистического строительства в нашей стране.

Х. Туракулова

¹⁵ «Вечерний Ташкент», 1980 г., 13 августа.

¹⁶ «Правда Востока», 1980 г., 28 августа.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТУРКОМСТАРИСА

(К 60-летию со дня основания)

В мае 1981 г. исполняется 60 лет со времени организации Туркестанского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), который стал первым государственным органом, созданным специально для учета и сохранения богатейшего историко-культурного и художественного наследия всех среднеазиатских народов. Естественно поэтому, что Туркомстарис многократно упоминается в работах, посвященных охране и реставрации памятников Средней Азии. Однако по вопросу о создании Комитета после статей, опубликованных в первом выпуске «Известий» его преемника — Средазкомстариса (Ташкент, 1926), новых данных в литературе фактически не приводилось. Между тем этот вопрос может быть освещен теперь более полно, в значительной мере на основе архивных материалов, в частности из Центрального государственного архива (ЦГА) РСФСР и архива Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР.

Как известно, за полвека, прошедших от присоединения Средней Азии к России до Великого Октября, русскими учеными и местными краеведами-любителями была проделана немалая работа по выявлению и изучению памятников культуры и искусства Туркестана. Однако деятельность этих исследователей и энтузиастов проходила в условиях отсутствия государственного законодательства об охране памятников и во многом зависела от личных вкусов и склонностей представителей колониальной администрации. Только после победы Великого Октября изучение и охрана памятников в стране, в том числе в Туркестанской АССР, стали делом государственной важности, о чем четко и ясно свидетельствовали ленинские декреты Совнаркома РСФСР и изданные под их воздействием и по их образцу соответствующие законодательные акты ЦИК и Совнаркома Туркеспублики¹.

Вскоре после революции в Туркестане стали возникать органы, пытавшиеся по мере сил претворять в жизнь эти законодательные акты, — более или менее представительные комиссии, создававшиеся по инициативе краеведов и по решению местных городских, областных или военных властей². Эти комиссии, безусловно, сыграли положительную роль при решении первоочередных задач по учету, охране и ремонту памятников отдельных городов Средней Азии (в первую очередь Самарканда) в разгар бурных военно-политических событий 1918—1920 гг. Но уже тогда было ясно, что создание компетентного постоянного государственного органа, способного взять на себя нелегкое бремя сохранения памятников в обширном, ранее отсталом крае, тем более в условиях хозяйственной разрухи, под силу лишь руководству Туркестанской республики или центральной власти Советской России.

Еще в 1919 г. на заседаниях коллегии отдела музеев и охраны памятников Наркомпроса РСФСР обсуждался вопрос об учреждении такого органа, причем высказывались пожелания создать в Туркестане его местное подразделение — секцию или подотдел³.

В начале 1920 г. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана (Турккомиссия) поручила главному управляющему Центрального управления по архивным делам (Щуардел)

¹ Подробнее об этом см.: Ставиский Б. Я., Жукова И. Н. Первые шаги государственной системы охраны и реставрации памятников Средней Азии. — «Искусство», 1981, № 4.

² Яркие воспоминания о деятельности этих комиссий см.: Массон М. Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968, с. 5—10, 14, 32—33.

³ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 9(1), л. 262; д. 17а, л. 12.

Туркестанской республики Д. И. Нечкину «организовать дело охраны памятников старины и искусства в Туркестане».

На первых же порах (декретом ЦИК ТАССР № 191 от 30 января 1920 г.) охрана «всех исторических памятников науки и искусства Туркестана», а также «производство археологических изысканий и собирание всякого рода научного, литературного и художественного материала для надлежащего их исследования» были возложены непосредственно на Цуардел⁴. Однако он был достаточно загружен своими прямыми обязанностями и эти поручения носили временный характер. Выполнять же их надо было неотлагательно, в противном случае культурному и художественному наследию среднеазиатских народов мог быть нанесен непоправимый урон. И в мае того же 1920 г. возглавляемая Д. И. Нечкиным специальная комиссия направилась из Ташкента «для осмотра древних памятников искусства в Самарканде и для принятия мер к их охране». В результате решением главногоуправляющего Цуарделом 1 июня 1920 г. была учреждена постоянная Самаркандская комиссия по охране и реставрации памятников старины и искусства (Самкомстарис)⁵.

В протоколах заседаний комиссии Цуардела, работавшей в Самарканде, она обозначена как «комиссия по охране памятников старины и искусства в Туркестанской республике»⁶. Видимо, предполагалось, что на базе ее будет создана постоянная Туркестанская комиссия, призванная возглавить государственную систему охраны и реставрации памятников республики, а Самкомстарис явится ее первым звеном. Судя по проекту «Положения о Комиссии по делам музеев и охраны памятников старины и искусства в Туркестанской автономной республике»⁷, подготовка к созданию такого органа в 1920 г. уже была близка к завершению. Цели и задачи его четко определялись в разделе I проекта «Положения»:

«1. В целях охраны памятников старины и искусства Туркестанской Республики от разрушительного действия природы и покушений злой человеческой воли, а также научной постановки музееведения — учреждается Комиссия при Наркомпросе Туркеспублики на правах его отдела».

2. Комиссия ставит себе задачей: а) немедленную регистрацию всех памятников искусства и старины, б) охрану их, в) реставрацию, г) собирание всего материала, относящегося к ним, и научную разработку его, д) музееведение, е) организацию художественного научного института, приобщение широких масс к работам комиссии путем лекций, бесед и экскурсий.

3. Комиссия осуществляет свои задачи на местах через учреждаемые ею временно или постоянно комиссии, а также путем научных экспедиций и посылкой своих эмиссаров».

Нельзя не отметить, что хотя головной орган государственной системы сохранения памятников Туркестана по примеру аналогичного органа в РСФСР предполагалось включить в состав Наркомпроса «на правах его отдела», это подразделение определялось в проекте «Положения» не как отдел, а как комиссия. Думается, что тем самым подразумевался не совсем ординарный его статус. Показательно, что в разделе II «Права и обязанности Комиссии» оговаривается ее двойное подчинение: «6. Комиссия действует на основании декретов Туркеспублики и руководствуется декретами Центра» (ср. в § 12: «Комиссия работает в контакте с Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса Российской Федерации» и в § 13: «Средства на содержание комиссии, ее отделений, сотрудников, а также на ее операционные расходы ассигнуются из государственной кассы по смете Комиссариата Просвещения Туркеспублики; в случае выполнения заданий Центра Комиссии разрешается получать оттуда и средства»).

Согласно проекту «Положения» (§ 8), в Комиссию должны были войти секции: музейная, охраны памятников искусства и старины, археологическая и художественно-научный институт, которые, в свою очередь, делились на «подотделы». Руководить Комиссией, помимо ее председателя и его заместителя, должны были (§ 11) члены, выделяемые Туркестанским государственным университетом, Туркестанским восточным институтом, Цуарделом и отделом изобразительных искусств Наркомпроса Туркеспублики. В примечаниях к § 11 оговаривалось, что (прим. 1) при согласии Центра в

⁴ Умняков И. И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии. — «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент. 1926, с. 46; см. также: Нечкин Д. И. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии. — Там же, с. 4; Мионов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования. — Там же, с. 18—19.

⁵ Мионов А. М. Указ. статья, с. 25.

⁶ Архив ЛОИА, ф. 2 (Российская Академия истории материальной культуры), 1920 г., д. 62, л. 9—22.

⁷ Там же, л. 66—68.

Комиссию включаются представители от музейного отдела Наркомпроса РСФСР и Российской академии истории материальной культуры; (прим. 2) «с момента учреждения научно-художественного института ему предоставляется право представительства в Комиссии» и (прим. 3) «Комиссии предоставляется с разрешения Коллегии (Наркомпроса Туркесреспублики) право кооптации к основному ее составу представителей науки, особенно известных своими научными трудами».

Как следует из архивных материалов, в ноябре 1920 г. было утверждено все же «Положение» не о Комиссии, а об отделе по делам музеев и охраны памятников старины и искусства. Первое заседание Совета отдела, призванного осуществлять общее руководство этим органом, состоялось только 2 марта 1921 г.

Из протокола заседания Совета от 2 марта 1921 г. видно, что заведующим отделом был назначен Д. И. Нечкин, а в состав Совета вошли представители Российской Академии истории материальной культуры (проф. А. А. Семенов), Цуардела ТАССР (С. П. Покровский), Туркестанского университета (проф. А. Э. Шмидт), Туркестанского восточного института (Н. Э. Вундцеттель). Заведование музейной секцией отдела было поручено С. П. Покровскому, археологической — Н. Э. Вундцеттелю, секцией охраны памятников старины и искусства — А. А. Семенову⁸.

В марте 1921 г. состоялось еще три заседания Совета отдела, протоколы которых свидетельствуют о его активной деятельности. Так, 9 марта были рассмотрены вопросы организации двух секций (археологической и охраны памятников старины и искусства) и планы их работы⁹. 15 марта были обсуждены отчеты о деятельности Самкомстариса в 1920 г. и вопрос о финансировании его работ на 1921 г., а также изучен и передан на утверждение в Совнарком ТАССР «декрет о принятии мер к сохранению древних памятников мусульманского зодчества в Туркестанской республике»¹⁰. На заседании 30 марта было решено образовать при Туркестанском народном музее закупочную комиссию для создания музейного фонда и пополнения коллекций и экспонатов отдельных музеев Туркесреспублики¹¹. Следует отметить также решение Совета о включении в его состав представителей «Научных Комиссий — Узбекской, Киргизской (т. е. Казахской. — Авт.) и Туркменской»¹²; вторую стал представлять А. А. Диваев, последнюю — Н. Н. Иомудский.

Но хотя отдел по делам музеев и охраны памятников старины и искусства в Наркомпросе ТАССР был создан и уже начал активно функционировать, вопрос о его организационной форме, как выясняется, оставался пока открытым. Лишь 12 апреля того же 1921 г. Наркомпрос утвердил «Положение о Туркомстарисе», после чего, уже с 13 апреля, Совет бывшего отдела в протоколах его заседаний именует себя Советом Комитета¹³. Однако прошло еще сорок дней (и состоялось пять заседаний Совета — три в апреле и два в мае)¹⁴, прежде чем СНК ТАССР принял постановление (№ 127 от 22 мая 1921 г.), окончательно узаконившее создание Туркомстариса.

Туркестанский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы возник, таким образом, не на пустом месте. Его созданию предшествовали не только разработка основ советского законодательства о памятниках истории и культуры, но и поистине героический труд энтузиастов — ученых и краеведов по учету и охране среднеазиатских памятников в первые годы Советской власти, упорный поиск наиболее целесообразной формы организации их государственной охраны.

Этот поиск в условиях Туркестанской АССР был тем более необходим, что здесь для претворения в жизнь общих принципов советского законодательства о памятниках потребовался иной, чем в центре России, государственный орган. В отличие от Москвы и Петрограда с их сложившимися научными институтами и кадрами замечательных ученых (историков, востоковедов, археологов, реставраторов, искусствоведов и т. п.), на чью регулярную помощь могли опираться Наркомпрос РСФСР и его музейный отдел, в Туркестане орган по делам музеев и охране памятников должен был стать чуть ли ни единственным местным научным, методическим и практическим центром не только по учету и охране, но и по изучению (часто первоначальному) самых разнообразных исторических и художественных шедевров. Он должен был обладать также известной самостоятельностью, чтобы поддерживать деловые контакты с научными, общественными и государственными организациями Центра, без чьей постоянной поддержки он просто не мог бы в сложной обстановке того времени ни возникнуть, ни функционировать. Именно таким органом и стал Туркомстарис, действовавший в 1921—1924 гг.

Б. Я. Ставиский, Н. Н. Жукова

⁸ Архив ЛОИА, ф. 2, 1921 г., д. 86, л. 16.

⁹ Там же, л. 17.

¹⁰ Там же, л. 18—18 об.

¹¹ Там же, л. 22.

¹² Там же, л. 19.

¹³ Там же, л. 25.

¹⁴ Там же, л. 25—38.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

3

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

лесообразным отказаться от прямого налогообложения доходов, полученных от реализации производимой продукции. Это может послужить важным стимулом роста эффективности. Но основным условием при этом должно выступать соблюдение государственных расценок.

Подводя итоги обсуждения рассматриваемых проблем, директор ИЭ АН УзССР А. Х. Хикматов отметил, что радикальная экономическая реформа должна основываться на серьезной теоретической и методологической базе, а не сводиться к одномоментным мероприятиям. Без широкого обсуждения научной общественностью конкретных путей оздоровления экономики республики с учетом их политической и социальной значимости нельзя успешно осуществить коренную перестройку в народном хозяйстве, справиться с негативными экономическими, социальными и политическими последствиями застойного периода. Нет сомнения в том, что состоявшийся обмен мнениями будет способствовать дальнейшим творческим поискам ученых и специалистов эффективных путей комплексного решения тех актуальнейших и сложнейших задач, которые встали перед нашим народным хозяйством в условиях перестройки.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ (ТУРКОМСТАРИС, СРЕДАЗКОМСТАРИС, УЗКОМСТАРИС)

До сих пор малоизвестной и недостаточно оцененной остается деятельность первых советских органов охраны и изучения памятников истории культуры. Между тем итоги их плодотворной работы дают им полное право быть запечатленными в истории развития науки в Средней Азии.

Мы имеем в виду деятельность таких последовательно сменявших друг друга организаций, как Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис.

Почувствительна сама история их возникновения. Как известно, до Октябрьской революции делу охраны памятников прошлого наука и общественность края были обязаны главным образом энергии и усилиям небольшой группы энтузиастов (достаточно вспомнить, к примеру, деятельность Василия Лаврентьевича Вяткина в Самарканде). Их инициатива и начинания встречали понимание и поддержку со стороны таких видных ученых страны, как Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и другие. Тем не менее колониальная администрация, как правило, каких-либо действенных мер в этом направлении не предпринимала и лишь в отдельных случаях, под нажимом общественного мнения и в зависимости от доброй воли и степени просвещенности того или иного генерал-губернатора края, принимались меры единовременного характера, призванные способствовать сохранности некоторых памятников старины. Известны и случаи ассигнования центральными властями страны относительно крупных средств на работы по изучению и реставрации мавзолея Гур-и-Мир в Самарканде. Постоянная же материальная база работ по охране памятников отсутствовала.

На территории Туркестанского края, Бухарского эмирата и Хивинского ханства заботу о сохранности некоторых историко-архитектурных памятников, как медресе, мечети, мавзолей, мазары, проявляло мусульманское духовенство. Но и в этих случаях дело сводилось к осуществлению простейших ремонтных работ, которые к тому же нередко искажали первоначальный облик памятников среднеазиатского зодчества. В целом, следовательно, дело охраны и изучения историко-культурных памятников находилось в зачаточном и совершенно неудовлетворительном состоянии. Многие из них, особенно на периферии, вообще находились вне учета и внимания исследователей.

Положение дел стало ощутимо меняться к лучшему после установления Советской власти.

Одно обстоятельство должно быть при этом отмечено особо. Инициатива и предложения об организации в Средней Азии дела охраны и изучения памятников старины исходили от местных ученых и краеведов, давно озабоченных плачевным положением в этой области. Но весьма положительным и показательным был незамедлительный живой отклик на эти предложения со стороны органов молодой Советской власти, которой, казалось, было тогда огнюдь не до заботы о памятниках далекого прошлого. Остро сказывались последствия хозяйственной и транспортной разрухи, тяжелое финансовое положение Туркестанской АССР, еще не завершившиеся действия на фронтах гражданской войны и т. д. Тем не менее информация «о тяжелом положении исторических памятников мусульманского зодчества» не замедлила встретить самое сочувственное отношение руководства образованной постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в октябре 1919 г. Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Ш. З. Элиава, П. А. Кобозев, Я. Э. Рудзутак, Турар Рыскулов и др.). Последовало поручение «организовать дело охраны памятников старины и искусства в Туркестане»¹, были изданы соответствующие декреты

¹ Нечкин Д. И. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и ох-

ЦИК Советов Туркеспублики. В Самарканде уже в первой половине 1920 г. функционировала Комиссия по охране памятников старины и искусства (Самкомстарис)².

В республиканских масштабах первенцем комитетов был Туркестанский (Туркомстарис), на смену которому пришел комитет Среднеазиатский (Средазкомстарис) и, наконец, Узбекстанский (Узкомстарис). В общей сложности их деятельность охватывает период с 1921 г. до середины 30-х годов³.

Работа комитетов давно уже ждет максимально полного освещения во всех ее аспектах: научно-организационном, научно-исследовательском, учетно-фиксаторском, ремонтно-реставрационном, музейном, общественно-просветительском. Столь же важно и полезно вызвать из забвения и воздать должное памяти как наиболее активных и известных, так и рядовых сотрудников комитетов — людей, глубоко преданных науке, энтузиастов своего дела, труженников бескорыстных и самоотверженных. Здесь широкое поле действий для историков и историографов. И это тем более важно, что имеющиеся (и частично уже библиографически редкие) публикации, освещающие историю комитетов, при всей их неоспоримой полезности, еще далеки от сводного, обобщающего и аналитического рассмотрения многогранной и энергичной деятельности комитетов. К тому же рука исследователя пока лишь в самой малой степени коснулась архивных собраний (Ташкента, Москвы, Ленинграда и других городов), содержащих ценные материалы к познанию истории и работы комитетов.

Скромная цель нашей статьи — сконцентрировать внимание именно на научно-исследовательской деятельности комитетов, вновь и вновь привлечь к ней интерес специалистов и читательской аудитории.

Несколько слов о том, что мы подразумеваем в данном случае под научно-исследовательской работой комитетов. Собственно говоря, вся их работа в целом является научной (учет, фиксация, осмотры, описание памятников старины, составление охранных списков, ремонтно-реставрационные мероприятия). Но во многом эта работа, составлявшая основные функции комитетов, выходила за свои рамки, приобретая характер исследовательской работы в сфере истории, археологии, этнографии, эпиграфики, нумизматики, сопровождавшейся детальным изучением отдельных памятников с заложением шурфов, дешифровкой надписей, пробными раскопками и т. п. Именно этой стороне дела мы и посвящаем свою статью.

Туркомстарис. Первенцем республиканских и межреспубликанских комитетов по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы суждено было стать Туркестанскому комитету (Туркомстарису), организованному по представлению Наркомпроса, согласно постановлению СНК Туркестанской АССР № 127 от 22 (23?) мая 1921 г. и просуществовавшему до 1925 г.⁴

Живейшее участие в организации Туркомстариса и других комитетов принимал акад. В. В. Бартольд. Для руководящей помощи Комитету в составе Российской Академии истории материальной культуры (Ленинград) была организована комиссия в составе В. В. Бартольда (председатель), С. Ф. Ольденбурга, Н. К. Бакланова, С. М. Дудина, К. К. Романова, А. П. Удаленкова и др. Бартольду принадлежала направляющая роль в деятельности Туркомстариса. Сам он участвовал в 1920 г. в предпринятой Комитетом поездке в Бухару по делам охраны памятников старины и искусства, архивов и библиотек⁵. Представителем Академии в Туркомстарисе был назначен А. А. Семенов⁶.

раны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии//Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 3—4.

² Деятельность Самаркандской и Бухарской (Бухкомстарис) комиссий выходит за рамки нашей статьи и требует специального изучения.

³ Данные по истории организации дела охраны и изучения памятников содержит статья В. В. Бартольда об итогах его поездки в Среднюю Азию летом 1920 г. См.: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан//Известия Рос. Академии истории материальной культуры. Т. II. Л., 1922. С. 1—22 (Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 273—281).

⁴ Текст Положения Наркомпроса Туркестанской АССР о Туркомстарисе, утвержденного 2 ноября 1920 г., см.: Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.): Сб. документов. Т. I. Ташкент, 1973. С. 359—361. Процесс организации Туркомстариса обстоятельно рассмотрен в публикации: Ставиский Б. Я., Жукова Н. Н. Из истории создания Туркомстариса (К 60-летию со дня образования)//ОНУ. 1981. № 3. С. 51—53; Их же. Первые шаги государственной системы охраны и реставрации памятников Средней Азии//Искусство. М., 1981. № 4. С. 53—56. См. также: Ставиский Б. Я. Основные этапы истории охраны и реставрации памятников советских среднеазиатских республик//Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Средней Азии. Вып. 6. М., 1984. С. 52—62; Жукова Н. Н. Участие научных учреждений Москвы и Петрограда — Ленинграда в организации охраны и реставрации памятников Советской Средней Азии (1918—1920 гг.)//Там же. С. 63—68.

⁵ Пак Б. И. О помощи В. В. Бартольда становлению науки в Советской Средней Азии//Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке: Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1980. С. 207—217.

⁶ Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов

В работе Комитета по описанию памятников старины выделилось такое мероприятие, как обмер «падающего минарета» медресе Улугбека в Самарканде, осуществленный архитектором М. Ф. Мауэром с помощью теодолита с разбивкой истинного меридиана и выяснивший (благодаря сечениям через каждые 5 см) истинное положение ствола минарета в пространстве. Это мероприятие было прелюдией к осуществленному в 1932 г. при участии В. Г. Шухова (Москва) уникальному выпрямлению ствола минарета — одного из архитектурных шедевров прошлого⁷.

Было положено (еще незначительное) начало практики археологического надзора на новостройках. Организовывались экспедиционные выезды для обследования архитектурных памятников Бухары, Карши, Гузара. Предпринималось изучение исторической топографии Самарканда и частичное обследование его внешней стены («Кампырдувала»)⁸.

Было сделано несколько археологических маршрутов по Джеттысу (В. Д. Городецкий), по долине Таласа (П. П. Иванов) и др. На Намазга-тепе (Туркмения) Д. Д. Букин обнаружил разновидность культуры Анау⁹.

По поручению Самкомстариса и Туркомстариса М. Е. Массон осуществлял археологический надзор за ремонтно-исследовательскими работами в Самарканде (мавзолей Гур-и-Мир и Ак-Сарай)¹⁰, уделив особое внимание такому менее известному (чем Гур-и-Мир) памятнику XIV—XV вв., как Ак-Сарай.

Итоги надзора пролили дополнительный свет на датировку и особенности этого творения зодчих времени Тимура и Тимуридов и содержащихся в мавзолее погребений позднейшего происхождения. Самодовлеющую ценность имели приложенные к статье М. Е. Массона выполненные им план и разрез мавзолея.

По усыпальнице Тимура (Гур-и-Мир) было осуществлено очень важное сопоставление данных археологического надзора с письменными сообщениями исторической литературы.

М. Е. Массону принадлежал и историко-топографический этюд по Самарканду, связанный с прокладкой узкоколейной железной дороги. Были зафиксированы дополнительные данные к описанию культурных слоев средневекового Самарканда¹¹.

Во время осмотра историко-архитектурных памятников М. Е. Массон, А. А. Семенов, А. Э. Шмидт осуществляли (или уточняли) чтение надписей на них¹².

А. А. Семенов опубликовал результаты проведенного в ноябре 1922 г. по поручению Туркомстариса осмотра известной мечети Ходжи-Ахмеда Яссави в г. Туркестане. Большое значение имели при этом наблюдения А. А. Семенова и спутника его поездки А. Э. Шмидта по эпиграфике мечети. Был сделан ряд уточнений по надписям на двери, ведущей в усыпальницу Ахмеда Яссави и надписям на изготовленном по распоряжению Тимура котле (дата — 25 шевваля 801 г. х. — 20 июня 1399 г.)¹³.

Отметим особо, что в сфере археологических изысканий в работе комитетов стало все более обозначаться имя М. Е. Массона. Впервые он был привлечен к

нов (Научно-биографический очерк). М., 1971. С. 82—83.

⁷ Подробнее см.: Массон М. Е. Падающий минарет (северо-восточный минарет Самаркандского медресе Улугбека). Ташкент, 1968. 42 с. О выдающемся инженер-проектировщике В. Г. Шухове см.: Арнауты Л. И., Карпов Я. К. Повесть о великом инженере. М., 1978. 212 с.

⁸ Нечкин Д. И. Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы // Наука и просвещение. Ташкент, 1922. № 2. С. 222.

⁹ Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (часть 1-ая, до первой послевоенной пятилетки) // Труды САГУ им. В. И. Ленина: Новая серия. Вып. LXXXI: Исторические науки. Кн. 12: Археология Средней Азии. Ташкент, 1956. С. 17—23.

¹⁰ Массон М. Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях «Гур-Эмир» и «Ак-Сарай» в Самарканде в 1924 году // Известия Самкомстариса. Вып. I. 1926. С. 82—114.

¹¹ Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 году // Известия Самкомстариса. Вып. I. 1926. С. 115—120. О деятельности Бухарского комстариса см.: Шишкин В. А. Из опыта Бухкомстариса по охране памятников материальной культуры (1925—1933 гг.) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 11—12. С. 114—120.

¹² Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии: Исследования. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг. Ташкент, 1929. 40 с. (Деятельность Туркомстариса и Средазкомстариса); Савельева Т. В. Охрана и изучение древностей Казахстана Туркомстарисом (Средазкомстарисом) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 227—229.

¹³ Семенов А. А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есвиевского в г. Туркестане // Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 121—130.

участию в работе Самаркандского комитета (Самкомстариса) 28 мая 1920 г.¹⁴ и с тех пор осуществлял свою энергичную и плодотворную деятельность на протяжении всего существования Туркомстариса, Средазкомстариса и Узкомстариса (член-консультант, заведующий археологической секцией и др.).

С санкции Туркомстариса в 1924 г. в Самарканде (с поездкой также в Анау и Мерв) работал германский ученый Эрнест Кон-Винер, ставивший своей целью проведение археологических рекогносцировок (без раскопок). В целом его научные отчеты были расценены как свидетельство малого знакомства с первоисточниками и с литературой предмета и по строгому счету не оставили сколько-нибудь заметного следа в науке, хотя и были отрядным показателем возрастающего внимания зарубежных ученых к памятникам древности Средней Азии¹⁵. Некоторым исключением было подробное изучение орнамента среднеазиатских построек средневековья.

Средазкомстарис. Осуществление в 1924—1925 гг. так называемого национально-государственного размежевания повлекло за собой реорганизацию Туркомстариса в Средазкомстарис, статус которого определяло Положение о нем¹⁶.

С образованием Средазкомстариса расширилась полевая экспедиционная деятельность, причем «ведущей тематикой становятся вопросы исторической географии и исторической топографии городов»¹⁷.

М. Е. Массон покрыл археологическими маршрутами ряд районов Узбекистана, Киргизии и Южного Казахстана (с помощью археологических вскрытий им было доказано, что древний Тараз находился на месте Аулиеата/Джамбула). В. Д. Городецкий при осмотре «башни минарета Бурана» (Чуйская долина, близ Токмака) констатировал присутствие в ее зоне следов пригородной окружающей стены. Б. П. Денике и М. М. Логинов осуществили подробную фотофиксацию башни. М. Е. Массон вел при участии М. М. Логинова и Т. Миргиязова вскрытие нижних ее частей и предложил изучение пригородной стены. Под руководством Н. М. Бачинского завершились первые ремонтно-реставрационные работы на башне¹⁸.

Возглавляемая А. А. Семеновым Хаверанская экспедиция (1928—1929 гг.) осуществила снятие инструментальных и глазомерных съемок многих памятников; впервые описала подробно некоторые археологические объекты, собрала ценные археологические и нумизматические коллекции, провела «трудоемкую эпиграфическую работу». В 1929 г. в экспедиции принимал участие А. Э. Шмидт¹⁹.

В. В. Бартольд выступил на страницах «Известий» Средазкомстариса со статьей «Будущее Туркестана и следы его прошлого», в которой опровергал мнения об ограниченности возможностей развития Туркестана, в частности мнение астронома Ф. Шварца о том, что под влиянием перевеса испарений над осадками количество влаги будет уменьшаться и потому земледельческая культура, основанная на искусственном орошении, обречена на гибель.

В. В. Бартольд обращался к опыту далекого, еще домусульманского периода, опровергавшему пессимизм некоторых авторов, и считал, что вопрос требует дальнейшего изучения при участии техников-ирригаторов, с учетом роли и значения современной оросительной техники²⁰.

¹⁴ Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.): Сб. документов. Т. 1. Ташкент, 1973. С. 351.

¹⁵ Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. IV. Л., 1925. С. 119—132 (Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 269—270); Его же. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. // Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры. Т. I. Л., 1926. С. 207—216 (Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. С. 282—289).

¹⁶ Нечкин Д. И. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926. С. 3—17; Миронов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926. С. 18—42; К. Ф. [К. М. Федоров]. Научные экспедиции и командировки Средазкомстариса за 1920—1925 гг. // Там же. С. 268—269; Янковский И. В. К вопросу о законодательном оформлении Средазкомстариса // Там же. Вып. III. Ташкент, 1928. С. 257—261; Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г. // Там же. С. 265—275.

¹⁷ Массон М. Е. Краткий очерк истории... С. 23—26.

¹⁸ Подробнее см.: Массон М. Е., Горячева В. Д. Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе, 1985. С. 20—35.

¹⁹ См., в частности: Семенов А. А. Древности Абивердского района (Результаты научно-исследовательской экспедиции 1929 г.) // Труды САГУ. Серия вторая: Orientalia. Вып. 3. Ташкент, 1931. 52 с.; Его же. Развалины г. Абиверда и остатки старины вблизи него // Там же. С. 7—27.

²⁰ Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926. С. 66—69. (Перепечатано: Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 308—310). В личном фонде В. В. Бартольда (Архив АН СССР, Ленинград, ф. 68) хранятся папки с материалами по Самкомстарису, Туркомстарису, Средазкомстарису (дд. 442, 446 и др.). Ждут своего издания и архивные материалы по комстарисам, хранящиеся в ЦГА УзССР (Ташкент).

Этапное значение имело опубликование статьи антрополога Л. В. Ошанина, которому было суждено стать родоначальником строго научного изучения этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и заложить основы дальнейших изысканий в этом направлении²¹. Большая статья Л. В. Ошанина содержала в себе «опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических данных»²². Не случайно редакция первого выпуска «Известий» комитета (В. В. Бартольд, А. М. Мионов, И. И. Умняков и др.) сочла необходимым сопроводить статью Ошанина пространным резюме на французском языке.

В. Л. Вяткин издал найденные на Афрасиабе гипсовую матрицу и медный штамп для отливки и чеканки монет. Штамп был предназначен для изготовления дирхемов («бит этот дирхем в Самарканде в 630 году»). Матрица позволяла одновременно отливать семь монет чеканки саманида Ахмада ибн Исмаила²³.

По поручению Комитета В. Д. Городецкий обследовал место и выявил обстоятельства нахождения трех серебряных сосудов из кургана в с. Покровском Пишпекского уезда (блюдо, чашка и кувшин) и дал их описание, воздержавшись, однако, от какой-либо их датировки²⁴.

Сотрудник Средазкомстариса, археолог-автодидакт Турды Миргиязов обнаружил кремневые орудия в Кызылкумах, близ Кызыл-Орды.

О том, что наряду с большой и основной работой Средазкомстариса по учету и охране памятников старины и искусства в его деятельности все большее место начала занимать и научно-исследовательская тематика широкого историко-краеведческого профиля, особенно ярко свидетельствует содержание третьего (и, к сожалению, последнего) выпуска его «Известий» (1928, 326 с.)²⁵.

Достаточно перечислить опубликованные в нем статьи: «Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии» (А. А. Семенов), «Старый Сайрам» (М. Е. Массон), «О местонахождении сада Тимура Давлет-абад» (его же), «Толгарское городище» (В. Д. Городецкий), «По Закаспийским развалинам» (А. А. Семенов), «Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен» (Л. В. Ошанин), «Кукольный театр Узбекистана» (М. Ф. Гаврилов), «Дорвоз. Бродячий цирк в Средней Азии» (А. К. Боровков), «Факсы в жизни киргиз» (А. А. Диваев), «Бытовые особенности туркмен» (Карашхан-оглы Йомудский), «Пережитки древних форм семьи и брака у туркмен» (Н. В. Брюллова-Шаскольская), «О ремесленных цехах Средней Азии» (М. Ф. Гаврилов), «Система наименования у коренного населения города Ташкента» (Н. Г. Маллицкий), «К плану археологических работ Средазкомстариса» (М. М. Цвинбак), «Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г.» (И. И. Умняков), «Самаркандская археологическая хроника» (В. Л. Вяткин), «План города Хивы» и др.

В своей совокупности научно-исследовательские публикации штатных и в большинстве своем общественных сотрудников Комитета вносили существенный вклад в развитие гуманитарных знаний в Средней Азии.

Не чуждался Средазкомстарис и современной тематики, примером чему может служить опубликование на страницах его «Известий» статьи проф. И. Н. Бороздина «Об изучении народных и революционных движений Востока СССР» (вып. I) и «Библиографии нелегальной литературы революции 1905 г. в Средней Азии» (там же)²⁶. В ведении Комитета был Среднеазиатский музей революции в Ташкенте.

Достойно быть отмеченным и то, что деятельность Средазкомстариса, в частности его археологические изыскания, привлекали к себе внимание и встречали самое сочувственное отношение виднейших ученых страны. Так, в обсуждении в Ленинграде плана работ Комитета на 1928 г. участвовали академики В. В. Бартольд, С. А. Жебелев, Н. П. Лихачев, С. Ф. Ольденбург и др.²⁷

²¹ Указатель литературы о Л. В. Ошанине и его работах см.: Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. II/Составитель Б. В. Лукин. Ташкент, 1977. С. 12—13.

²² Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения//Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 131—177.

²³ Вяткин В. Л. Матрица и штамп из Самарканды//Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 71—75.

²⁴ Городецкий В. Д. Серебряные сосуды из кургана села Покровского Пишпекского уезда//Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 77—81.

²⁵ Второй выпуск «Известий» не отмечается нами как полностью природоведческий и посвященный работе проф. Д. Н. Кашкарова «Район озера Сары-Челек: Физиография. Животный мир».

²⁶ Для изучения истории организации дела охраны памятников Средней Азии имеет значение «Официальный отдел» «Известий» Средазкомстариса с текстами правительственных постановлений, декретов по данному вопросу и других документов (Вып. I. С. 298—310). Ср.: Умняков И. И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии//Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926. С. 43—54.

²⁷ Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 262—264.

По линии Средазкомстариса был осуществлен ряд экспедиционных выездов на места с целью осмотра и изучения исторических памятников: в города Самарканд и Туркестан, в Чимкентский, Аулиеатинский районы, в Джеттысу, Фергану, в долину р. Чу и на оз. Иссык-Куль, в Бухару, Шахрисабз, в Хорезм, Туркменистан, Киргизстан и др.)²⁸.

Заслугой Средазкомстариса является и выпуск в свет рассчитанных на широкого читателя строго научных брошюр серии «Культурно-исторические экскурсии по Самарканду»²⁹.

Неосуществленным, к сожалению, остался замысел Средазкомстариса об издании альбома со снимками 62 памятников старины «после-монгольского периода»³⁰ и библиографического указателя «по изучению памятников старины»³¹.

Средазкомстарис просуществовал до конца 1928 г. Его практика не только охраны, но и изучения памятников старины нашла свое продолжение в деятельности Узкомстариса³².

Узкомстарис. На средства Узкомстариса была организована поездка М. Е. Массона в Термез, на урочище Айрытам, где у правого берега Амударьи были замечены в воде каменные плиты со следами обработки (одна из плит оказалась редчайшим и первоклассным памятником кушанского времени с высеченными на нем в куше двух рядов акантовых листьев тремя поясными фигурами: барабанщика, арфистки и музыкантши с лютней). В 1933 г. к месту находки выехала экспедиция (М. Е. Массон, Я. Г. Гулямов, Т. Миргиязов, И. П. Завалин). Было обследовано городище Айрытам и проведены раскопки, увенчавшиеся обнаружением новых плит скульптурного карниза и других предметов древности³³. В своей совокупности эти находки вошли в золотой фонд науки и положили начало организации по линии Узкомстариса первой в Средней Азии крупной многоотрядной Термезской археологической комплексной экспедиции Узкомстариса (1936—1938 гг.), плодотворные итоги работы которой нашли свое освещение в двухтомном сборнике статей³⁴. В экспедиции участвовали представители научных учреждений и музеев страны. Был решен ряд вопросов периодизации более чем двухтысячелетней истории Термеза и прилегающего района правобережного Тохаристана³⁵.

Представители Узкомстариса участвовали также в работах Хорезмской экспедиции Московского отделения Института истории материальной культуры. Экспедиция внесла весомый вклад в изучение истории Средней Азии (открытие стоянок поры неолита, эпохи бронзы, памятников античного времени и раннего средневековья, обследование остатков древних ирригационных сетей и т. д.).

Уполномоченный Узкомстариса по Термезу Г. Ф. Парфенов выявил стоянки эпохи неолита в Ширабадской долине. Ст. научный сотрудник Комитета М. Ю. Саиджанов вел разведочные раскопки у мавзолея Кусамы ибн Аббаса в Самарканде и ханакки Файзабада в Бухаре. Ученый секретарь Узкомстариса Я. Г. Гулямов описал «резное надгробие XIV в. под Ташкентом и склеп XIV в. в Шахрисабзе». Ст. научный сотрудник В. Д. Жуков и архитектор Ш. Е. Ратия изучали «архитектурные приемы строительства и декоративные убранства мечети и мавзолея Барак-хана в Ташкенте», применяя при этом археологические вскрытия в черте указанных памятников. М. Ю. Саиджанов и архитектор М. Ф. Мауэр выявили архитектурные

²⁸ Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году//Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928. С. 265—275; Засыпкин Б. Н. Изучение (Туркомстарисом и Средазкомстарисом) древних сооружений Средней Азии//Новый Восток. Кн. 10—11. М., 1925. С. 257—270; Умняков И. И. Изучение культуры и быта Средней Азии в 1920—1927 гг. (Краткий обзор краеведческой деятельности Средазкомстариса)//Новый Восток. Кн. 23—24. М., 1928. С. 341—349.

²⁹ Массон М. Е. Регистан и его медресе. Ташкент, 1926. 31 с. (Средазкомстарис; изд. 2-ое, 1929. 30 с.); Его же. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-Ханым. Ташкент, 1926. 16 с. (Средазкомстарис; изд. 2-ое, 1929. 16 с.); Его же. Мавзолей Гур-Эмир (Усыпальница Тимуридов). Ташкент, 1926. 31 с. (Средазкомстарис; изд. 2-ое, 1929. 32 с.).

³⁰ К. Ф. [Федоров]. Альбом древних памятников Туркестана//Известия Средазкомстариса. Вып. I. 1926. С. 270—271.

³¹ Там же. С. 273.

³² Иногамов Ш. И. Основные задачи Узкомстариса//Социалистическая наука и техника. Ташкент, 1933. № 1. С. 90—94.

³³ Всего было найдено 8 блоков каменного карниза из руин здания первых веков н. э. Все они были поднесены в 1938 г. правительством Узбекской ССР в дар Государственному Эрмитажу (Ленинград). См.: Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933. 16 с. (Материалы Узкомстариса. Вып. I).

³⁴ Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1967. С. 52—87.

³⁵ Термезская археологическая комплексная экспедиция, 1936 г.: Сб. статей. Ташкент, 1940. 216 с. (том второй — Ташкент, 1945. 226 с.).

приемы строительства и декоративного убранства мавзолея Чильдухтаран в Самарканде.

Совместно с Государственным Эрмитажем Узкомстарисом была организована экспедиция во главе с А. Ю. Якубовским, изучавшая археологические памятники в Бухарской части долины р. Зарафшан³⁶.

Важнейшим достижением Узкомстариса явилось осуществление на его средства и силами его сотрудников во главе с М. Е. Массоном широкомасштабных и многоотрядных археологических наблюдений в зоне прокладки в 1939 г. Большого Ферганского канала протяжением в 265 км, проходившего через 16 районов Узбекской ССР, 2 района Киргизской и Таджикской ССР и пересекавшего почти всю Ферганскую долину (при объеме земляных работ до 18 млрд. м³).

По словам руководителя археологического надзора, перед взором ученых представляли остатки многих «даванских городов» китайских хроник, множество паспортизированных по пунктам обнаружения находок, что позволило выделить Фергану «в особую культурно-историческую провинцию Средней Азии». Появилась возможность более точной, чем ранее, периодизации истории Ферганы «с огромным диапазоном охвата во времени от кремневых орудий до инвентаря эпохи последнего ханства»³⁷.

Издавались «Материалы» Узкомстариса. На их страницах был опубликован ряд ценных исследовательских работ сотрудничавших с Комитетом и работавших в нем ученых³⁸.

Узкомстарисом (частично совместно с Комитетом наук Узбекской ССР) был издан ряд отдельных работ историков и археологов³⁹.

В 1939 г. произошла реорганизация Узкомстариса в Комитет по охране памятников старины, революции и искусства при Совнарком УЗССР. Научно-исследовательская работа Комитета по археологии была передана археологическому отделу Института истории, языка и литературы Узбекистанского филиала АН СССР (УзФАНа)⁴⁰.

В дополнение к сказанному выше отметим, что крайне важным для науки было стремление всех комитетов наладить учет случайных нумизматических находок, по возможности с фиксацией мест и условий их обнаружения. Инициатива и первенство принадлежали здесь М. Е. Массону, чьи строго научные, кропотливо и тщательно составлявшиеся сводки монетных находок и поныне не утратили своего значения. Первая из таких сводок появилась в 1928 г., охватывая время с 1917 по 1927 г.⁴¹ Затем стали появляться и последующие. Сам Массон видел в таких

³⁶ Ахунов Х. Узбекистанский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис)//Комитет наук Узбекской ССР: Отчет о деятельности за 1935 год. Ташкент. 1936. С. 56—59.

³⁷ См.: Археолог на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 году//Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976. С. 88—175. Так же: Воронец М. Э. Археологические исследования Узбекистанского комитета по изучению памятников материальной культуры (Находки при строительстве Большого Ферганского канала)//Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 207—209; Массон М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала//КСИИМК. IV. М., 1940. С. 52—54; Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Ташкент, 1951. 123 с. (статьи Т. Г. Оболдуевой, В. Д. Жукова, Я. Г. Гулямова); и др.

³⁸ Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933. 16 с. (Материалы Узкомстариса. Вып. 1); Его же. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах//Материалы Узкомстариса. Вып. 2—3. 1933. С. 3—10; Шишкин В. А. Медресе Улугбека в Гиждуване//Там же. С. 11—18; Массон М. Е. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом. Ташкент, 1933. С. 23 (Материалы Узкомстариса. Вып. 4); Его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930—1931 гг. Ташкент, 1935. 18 с. (Материалы Узкомстариса. Вып. 5); Его же. Проблема изучения дистерн-сардоба. Ташкент, 1935. 73 с. (Материалы Узкомстариса. Вып. 8); Гулямов Я. Г. На путях охраны и изучения памятников материальной культуры//Материалы Узкомстариса. Вып. 9, 1934. 28 с. (на узб. яз.).

³⁹ Ошанин Л. В. Материалы по антропологии Средней Азии. Ташкент, 1926. 185 с.; Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УЗССР в 1934 году. Ташкент, 1935. 48 с.; Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. 100 с.; Зограф А. Н. Монеты «Герая»//Предисловие М. Е. Массона. Ташкент, 1937. 37 с. Сотрудники комитетов выступали также со статьями, очерками, информацией на страницах многих научных изданий, сборников, журналов и др. Известное представление о них дает книга: История Узбекистана. Часть I. Указатели советской литературы 1917—1952 гг. Ташкент, 1968. 168 с.

⁴⁰ Реорганизация Узкомстариса//Известия Узбекистанского филиала Академии наук СССР. Ташкент, 1940. № 1. С. 75.

⁴¹ Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг.//Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928.

сводках «материал для будущих археологических карт, которые, свидетельствуя сухими фактами, позволяют сделать некоторые обобщения и выводы». Учитывались находки монет от античного времени до позднего средневековья. Образно говоря, именно из рук М. Е. Массона эстафету в работе по учету и описанию монетных находок принял в последующем ряд ученых Средней Азии, в том числе учеников Массона (З. А. Альхамова, Р. З. Бурнашева, Ю. Ф. Бураков, Е. А. Давидович, Т. С. Ерназарова, В. Д. Жуков, Б. Д. Кочнев, В. М. Массон, Ш. Р. Пидаев, В. И. Пилипко, Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе, Ш. С. Ташходжаев, М. Н. Федоров, Т. Ходжаниязов и др.).

Надо подчеркнуть и то, что в разное время деятельными штатными и нештатными сотрудниками комитетов были многие ученые. В их числе — М. С. Андреев, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин, Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкина, П. П. Иванов, М. Е. Массон, Л. В. Ошанин, Е. М. Пешерева, А. А. Семенов, В. А. Шишкин, А. Э. Шмидт, А. П. Удаленков, И. И. Умняков, А. Ю. Якубовский и др. Должны быть названы также имена Н. М. Бачинского, Е. К. Бетгера, Д. Д. Букинина, М. Вербова, М. Ф. Гаврилова, А. А. Гаррицкого, В. Д. Городецкого, Г. В. Григорьева, А. А. Диваева, В. Д. Жукова, В. В. Исупова, Д. М. Иофана, И. С. Казакова, Б. Н. Кастальского, И. А. Кастанье, М. М. Логинова, П. Е. Кузнецова, Э. А. Масальского, М. Ф. Мауэра, А. В. Николаева (Усто Мумина), Т. Г. Оболдуевой, С. А. Орлова, М. М. Плотинова, Г. М. Скварического, Д. К. Степанова, М. В. Столярова, А. К. Татевосьяна, А. И. Тереножкина и др.

Достоин быть особо отмеченным, что в историю деятельности комстарисов все чаще и ошутимее стали входить имена представителей коренного населения Средней Азии и Казахстана. В 1925 г. Бухкомстарис возглавлял А. Р. Фитрат, ученым секретарем был М. Ю. Саиджанов. В числе штатных и нештатных сотрудников были Я. Г. Гулямов, Абид Зайнутдинов, Ш. И. Иногамов, К. Иомудский, Т. Миргиязов, Ш. Рахими, М. С. Юсупов и др.⁴²

Призванием указанных лиц к работе комитетов наука была во многом обязана энергичной деятельности Дмитрия Ивановича Нечкина, чьи заслуги еще ждут своей оценки.

Историк комстарисов не должен также обойти вниманием книгу Л. И. Ремпель «Далекое и близкое». В ней содержатся живые и теплые характеристики ряда ученых и народных мастеров, в том числе принимавших участие в деятельности комстарисов (Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкина, М. Е. Массона, Усто Ширин Мурадова, Г. А. Пугаченковой, Ибрагима Хафизова, А. А. Семенова, И. И. Умнякова и др.).⁴³

Остается добавить, что наш краткий очерк научно-исследовательской деятельности комитетов был бы неполным, если бы мы не отметили особо, что деятельность эта проходила при весьма ограниченных ассигнованиях и предельно минимальном составе штатных работников. В основном все держалось на энтузиазме, самоотверженности, бескорыстии сотрудников комитетов и, как теперь принято говорить, силами их общественного актива⁴⁴.

В общей сложности, как видим, деятельность Турккомстариса, Средазкомстариса и Узкомстариса вписала немало приметных и ярких страниц в историю исторической науки Советского Востока.

Б. В. Лунин

С. 280—293; Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона 1924 г.//Там же. Вып. 1. 1926. С. 271—272; Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930—1931 гг.//Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933. 18 с. См. также: Массон М. Е. К истории среднеазиатских нумизматических сборов//Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985. С. 256—257.

⁴² Биографические справки о многих деятелях комитетов см.: Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки/Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1974. 386 с.; Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана/Составитель Б. В. Лунин. Том I. Ташкент, 1976. 439 с.; Том II. 1977. 442 с. Также: Ставиский Б. Я., Жукова Н. Н. Проблемы сохранения памятников культуры и искусства в советских республиках Средней Азии (1917—1941 гг.). М., 1989. С. 2—5.

⁴³ Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Страницы жизни, быта, строительно-го дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Бухарские записи. Ташкент, 1981. 302 с.

⁴⁴ Из новейшей литературы с общим обзором деятельности комитетов см.: Ставиский Б. Я., Жукова Н. Н. Проблемы сохранения памятников культуры и искусства в советских республиках Средней Азии (1917—1941 гг.)//Консервация и реставрация музейных художественных ценностей: Обзорная информация. Вып. I. М., 1989. С. 1—44. См. также: Ставиский Б. Я., Лелеков Л. А. Охрана и реставрация памятников культуры и искусства Средней Азии//Реставрация музейных ценностей в СССР. М., 1982. С. 157—167; Ставиский Б. Я. Состояние охраны и реставрации памятников культуры и искусства Средней Азии в 1925—1928 гг.//Художественное наследие. Хранение. Исследования. Реставрация. М., 1983. № 7. С. 23—26. Некоторые данные о Турккомстарисе, Средазкомстарисе и Узкомстарисе см. также: Садыкова Н. С. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 57—61, 78—81, 101—102 и др.